

Т.В. Смирнова

Монастыри: служение миру

В средние века монастыри обычно являлись культурными и экономическими центрами, а часто становились и центрами обороны. Позже на первый план выдвигаются другие функции монастырей, связанные с удовлетворением материальных и духовных потребностей людей. В начале XX в. в печати развернулась дискуссия на тему: является ли служение миру обязанностью русских православных монастырей, то есть, должны ли иноки осуществлять деятельную помощь мирянам, и какими могут быть формы этой помощи. Цель настоящей работы, во-первых, кратко изложить суть дискуссии, во-вторых, рассмотреть ту форму служения монастырей миру, которая выпала из поля зрения участников дискуссии, а именно: сакрально-эстетическое воздействие монастырей на богомольцев.

Дискуссия началась в 1902 г. после публикации статьи писателя А.В. Круглова в журнале «Душеполезное чтение»¹. Он призвал современное монашество на службу миру, службу такую, которая бы не противоречила прямой задаче монахов – молитве. Круглов считал, что монахи должны участвовать в охране здоровья народа, в благотворительности голодным и в духовном просвещении людей путем устройства школ. Указал он и на то, что во время эпидемий и голода последних десятилетий монастыри не проявили большой активности в деле помощи людям. В то же время, как полагал Круглов, те редкие монахи, которым доступны высшие ступени созерцательной жизни, должны быть освобождены от этого служения. Но большинству монахов новое служение окажется полезным: оно даст удовлетворение и будет способствовать улучшению нравственности.

Круглову стал резко возражать архимандрит Никон (Рождественский), казначей Троице-Сергиевой лавры². И разгорелась полемика. В ней приняли большое участие преподаватели Московской духовной академии: А.И. Введенский, архимандрит Евдоким (Мещерский), А.А. Спасский, Н.Ф. Каптерев, С.И. Смирнов³. А.И.Введенский и епископ Евдоким оказались при этом не вполне последовательными. Наиболее аргументированными были возражения арх. Никону выступления в печати Каптерева и Смирнова⁴. Архимандрит Никон считал, что монах должен заботиться исключительно о своем личном спасении, а неопременное условие этого – удаление от мира, уединение, то есть свобода от обязанностей по отношению к миру. Он полагал, что инок даже словом не может служить миру, и называл это святым эгоизмом, а в призыве к благотворительности усмотрел подмену восточно-православного идеала монашества западно-католическим. Западный монах в его глазах был грешным альтруистом и в своих идеалах, и в гуманитарной деятельности. Неожиданно он нашел поддержку у известного публициста В.В. Розанова⁵.

Преподаватели МДА обратились к истории вопроса. Каптерев посвятил свою статью воззрениям на эту проблему преподобного Максима Грека. Тот писал, что русские не правы, когда полагают достаточным для спасения сам постриг и выполнение обрядов, а деятельное исполнение заповедей Христа не считают обязательным. И противопоставил русским монастырям латинские, призывая подражать последним.

Смирнов, будучи историком РПЦ, подробно описал, как решался вопрос служения монастырей миру, начиная с XI в., с заветов преп. Феодосия Печерского, который указал монахам четыре формы служения миру: молиться за мирян, быть их учителем, заступником (печаловником) и заниматься благотворительностью. Программа, начертанная преподобным Феодосием, оставалась неизменной и общеобязательной, по крайней мере, до середины XV

в. А затем монашество разделилось на две партии: последователи Иосифа Волоцкого развили практический идеал древнейших русских подвижников, а белозерские старцы под влиянием Афона выступили проповедниками строго созерцательного монашества. Они оказались в меньшинстве и потерпели поражение.

Смирнов обратил внимание на то, что воззрения архимандрита Никона являются своеобразным соединением элементов этих двух направлений. С Иосифом Волоцким его роднило признание за монастырями права накапливать богатства, а с партией Нила Сорского, наиболее полно выразившего взгляды белозерских старцев, он согласен в признании молитвы единственной задачей монаха. То есть, архимандрит Никон хотел бы сохранить все права на обладание благами мира и в то же время освободиться от всяких внешних обязательств по отношению к нему. Но такие воззрения находились вне основной традиции русского народа: грехом было не подать нищему, в образе которого ходит по земле сам Христос. Богатства же, скапливающиеся в монастыре и неупотребляемые на благотворительность, считались вредными.

Смирнов указал и на то, что благотворительная деятельность основателей монастырей почти всегда сопровождалась недовольством братии. И это не случайность, а показатель того, что подобную обязанность не просто. Закрепить ее в монастыре на долгое время удавалось очень и очень немногим из древних подвижников. После их смерти и ученики исполняли эту заповедь только за страх, а ученики учеников уже совсем не исполняли. Таким образом, оживление благотворительности в наших древних обителях совпадало с лучшим их временем – временем, когда ими управляли основатели. Ослабление и забвение благотворительных обязанностей, которое наблюдается в XIX в., свидетельствует о печальном положении самого иночества. Древнерусские подвижники хотели творить добро людям и находили для этого возможности.

Современные монахи, – писал Смирнов, – не находят для этого времени, потому что у них иссякла потребность добротворения, потому что они “святые эгоисты”».

Далее Смирнов заметил, что в голод 1891–1892 гг. устройством столовых, яслей, больниц занимались люди нецерковные, а монастыри остались в стороне от народного бедствия. И напрасно архимандрит Никон жаловался, что миряне называют монахов дармоедами – надо монастырям взять на себя помощь народу в голодные годы, взять на себя устройство больниц, школ, призрение сирот⁶.

В дискуссии был затронут и вопрос о нравственности монахов, эту большую тему поднимал еще в середине XIX в. епископ Игнатий (Брянчанинов)⁷. Неблагополучие внутренней жизни Троице-Сергиевой лавры в 1860–1880-х годах обрисовано о. Сергием Голубцовым. Впоследствии проблемы внутренней жизни монастырей рассматривались на монашеских съездах 1909 и 1917 гг., но было уже поздно⁸.

А спор затих в 1904 г. Это было связано, во-первых, с тем, что архимандрит Никон получил новое назначение. Став епископом Муромским, он уехал из Лавры. А, во-вторых, попытки Московской духовной академии продолжить дискуссию были пресечены митрополитом Московским Владимиром: когда профессор Каптерев написал вторую статью о проблемах монашества, опубликовать ее не удалось⁹.

Сам факт обсуждения задач обителей можно объяснить тем, что к началу XX в. в среде интеллигенции усилилось критическое отношение к монастырям в связи с утратой веры. Нетрудно заметить, что в дискуссии речь шла исключительно об удовлетворении материальных потребностей, пусть и очень важных. А о духовных потребностях не упоминалось.

Тут мы подходим еще к одному аспекту монастырской деятельности, который во время дискуссии 1902–1904 годов, видимо, и не осознавался как

форма служения миру – о воздействии на богомольцев всей обстановки монастыря: его храмов, колокольного звона, благолепия территории и пр. О. Павел Флоренский убедительно показал, насколько важны все составляющие храмового действия¹⁰. Он писал об освещении в храме, об искусстве огня, искусстве дыма, искусстве запаха, искусстве одежды и многом другом. Но большая часть им сказанного может быть отнесена к любой православной церкви, не обязательно монастырской. Храмовое действие только часть того, что испытывает человек, отправившийся в обитель на богомолье. Как недостойная, так и праведная жизнь монахов была известна в основном местным жителям. На паломников же действовали другие факторы.

Рассмотрим теперь сакрально-эстетическое воздействие облика монастыря в основном на примере Троице-Сергиевой лавры и тех монастырей и скитов, которые к ней относились. Особенно ярко показал это воздействие И.С. Шмелев¹¹. Сама дорога к монастырю, расположенному на каком-то расстоянии от дома, воспринималась как путешествие, богатое встречами, полное новых впечатлений, а то и опасностей, будь это плавание по морю на Соловки или пеший поход из Москвы к Троице. А для городских жителей поездка на богомолье была еще и встречей с природой. От железнодорожной станции Арсаки до Зосимовой пустыни Троице-Сергиевой лавры всего три с половиной версты. Но вот как описала эту дорогу М.А. Голубцова, сотрудница ГИМ (1920 г.): «Эта узкая лента дороги, лесной свежий запах, росистость травы и утренняя влажность земли сразу рассеяли мое хмурое недовольство – я не выпалась, хотелось покоя. Когда же через полверсты мы вышли на склон холма, и передо мной открылась широкая долина, зеленый луг заблестел росой, и вытянувшиеся, как свечи, встали стройные елочки, и затемнел вдали сквозь туман лесистый склон холма, – душа моя вся зажглась восторгом утренней молитвы к Творцу всей этой чистой, ясной, только проснувшейся красоты земной»¹².

Монастырь обычно был виден путнику издалека – чаще всего его устраивали на возвышенном месте. Но и в том случае, когда он был расположен в долине, все равно, как пред царевичем Гвидоном вставал «чудный город со дворцом, с златоглавыми церквами, теремами и садами»¹³. Сады же начали устраивать в монастырях, по крайней мере, с XVII в. При этом они имели геометрическую планировку, и, кроме плодовых деревьев и кустов, в них росли «бесполезные» цветы, что было нехарактерно для садов того времени на Руси. Монастырь воспринимался богомольцами как райский сад¹⁴. О цветах в Троице-Сергиевой лавре, несколько раз упоминает и Шмелев, посетивший ее в конце 1870-х годов, когда цветники давно не были редкостью. Но запах свежеспелых клумб, травы, который он ощутил в Лавре в детские годы, остался в его памяти на всю жизнь¹⁵.

Поход на богомолье был большим событием. Для тех, кто был занят однообразной тяжелой работой, он становился редким отдохновением, праздником. Уместно вспомнить слова о. Павла Флоренского, пусть и сказанные по иному поводу: «Оторванности от обычных условий и привычек жизни свойственно свое бодрое возбуждение, – вино неожиданной свободы. Хождение по улицам незнакомого города, одиночество среди природы или война, праздник, когда он сознается как некоторое качественно-новое и священное время, – все это действует подобным образом: разрешает путы бесчисленных мелких забот повседневности <...>. И тогда объявляются более глубокие силы нашего существа, обычно заваленные мелочами и слишком значительные, а, может быть, и враждебные скучным будням. Праздник – от праздный, т.е. пустой, незанятый; и весьма нередко достаточно снять грузы привычного и мелочно-повседневного, чтобы тут же вышли наружу задавленные ими и вещее знание, и чувство коренной связи с миром, и близкая к экстатической радость бытия»¹⁶.

Это сказано об обычной светской жизни. Еще более справедливы слова о. П. Флоренского по отношению к богомолью, которое не только насыщало жизнь радостью, но и очищало душу, вселяло надежду, что наступит исцеление от болезни и пр.

Сознательно или интуитивно, возможно, понимали это и настоятели монастырей, занимаясь украшением обителей, что часто приводило к искажению облика древних храмов. Но они следовали своим вкусам и вкусам своего времени. В настоящее время некоторые искусствоведы и реставраторы считают ошибочным решение митрополита Платона (Левшина), наместника Троице-Сергиевой лавры, выкрасить башни Лавры в красный цвет¹⁷. При реставрации, стремясь воссоздать облик монастыря на «определенную дату», башням вернули белый цвет, который был в XVII в. Но, к счастью, не уничтожили сделанные также при митрополите Платоне золотые звезды на голубых куполах Успенского собора Лавры, построенного в XVI в. Для Платона храмы Лавры не являлись памятниками древнерусского искусства. Он просто стремился сделать обитель красивой в своем понимании. Церковь в Вифанском монастыре он устроил совсем необыкновенно. Шмелев писал: «В Вифанском монастыре, в церкви, – гора Фавор! Стоит вместо иконостаса, а на ней Преображение Господне. Входим по лесенке и смотрим: пасутся игрушечные овечки, течет голубой ручеек в камушках, зайчик сидит во мху, тоже игрушечный, а на кусточках ягоды и розы... – такое чудо!»¹⁸.

Не все монастыри были столь украшены, как Троице-Сергиева лавра, но все они в той или иной мере воздействовали на эстетические чувства людей, доставляя им радость. Обитель выполняла и особые духовные потребности человека, выполняя мемориальную функцию. Суть ее – разбудить память и всколыхнуть чувства человека¹⁹. Во многих случаях мемориальный характер монастыря проявляется уже в названии: Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский,

Иосифо-Волоколамский и т.д. Мемориальная функция бывает выражена и другими способами. Так, в Святых воротах Троице-Сергиевой лавры богомольцы видят картины из жизни Сергия Радонежского, а в Троицком соборе раку с мощами преподобного, чье имя близко и дорого каждому русскому человеку.

Следует остановиться и на занятиях монастырей торговлей. Смирнов задавался во время дискуссии вопросом: позволительна ли монастырю торговля, и ссылаясь на Василия Великого, который ставил торговлю в одном ряду с бродяжничеством и корчемством и предписывал избегать ее всеми мерами. Смирнов полагал, что если уж торговли избежать нельзя, то торговать надо без прибыли. Но благотворительность, которую осуществляла, например, Троице-Сергиева лавра, в значительной степени была возможна за счет занятий торговлей. И главное, осуждая продажу религиозных книжек, иконок, крестиков, ложек и т.п., ученый не учитывал психологию богомольцев из простого народа. Для них покупка таких вещей давала дополнительную радость, о чем очень выразительно писал Шмелев. И впоследствии эти покупки напоминали о светлом празднике – походе на богомолье. Так что продажу крестиков, иконок и многих других памятных предметов (и организацию их производства) также можно рассматривать как одну из форм служения монастырей миру.

Вернувшись к вопросу о духовной жизни в самих монастырях, надо сказать следующее. При всей убедительности доводов сторонников деятельного монашества нельзя забывать, что победа иосифлян обернулась позже поражением, привела к упадку духовной жизни, к тому, что Георгий Федотов назвал трагедией русской святости²⁰. Но, хотя духовная жизнь значительной части монастырей к середине XIX в. пришла в упадок, нашлись и те, кто мечтал о возврате к заветам преподобного Сергия. Здесь следует назвать, прежде всего,

имя митрополита Московского Филарета (Дроздова). В его бытность был открыт при Троице-Сергиевой Лавре ряд благотворительных учреждений: больница, дом призрения, несколько училищ для детей, организована ежедневная раздача пищи странникам²¹. С его помощью наместник Лавры архимандрит Антоний (Медведев) в 1840-х годах основал неподалеку от Лавры скит для той части братии, которая была склонна к созерцательному монашеству. Этот скит, названный Гефсиманским, стремились сделать похожим на Троицкий монастырь, каким он был во времена Сергия Радонежского: деревянная церковь, деревянные кельи. Не допускались украшения из драгоценных металлов и камней. Церковная утварь была деревянная, лампадки из стекла и фарфора, облачения не парчовые, а шелковые без золота и серебра²². Пища монахов была простой. Труд, молитва, тишина и безмолвие царили в скиту. Его мало посещали богомольцы. А особенно склонные к безмолвию и молитвенному уединению монахи поселялись в некотором отдалении в отдельных деревянных кельях. Они положили основание будущего Черниговского скита. В 1861 г. Лаврой был основан еще один скит для любителей совершенного безмолвия – пустынь Параклит²³.

Итак, во второй половине XIX в. созерцательное монашество получило поддержку церковных иерархов. Из числа иноков, стремившихся к созерцательному монашеству и достигших высоких степеней благочестия, монастырские власти назначали народных духовников. Таким стал иеромонах Варнава (Меркулов), старец Гефсиманского скита. Он принимал стекавшихся к нему людей в Черниговском скиту²⁴. И вскоре Черниговский скит, бывший вначале местом уединения, стал не менее посещаем, чем Троице-Сергиева лавра. Уже в конце 1880-х годов была выстроена в скиту великолепная каменная церковь, внутренность которой поражала богатством: иконостас из вызолоченной меди украшен был чеканкой и разноцветными эмалями²⁵. Это еще

раз подтверждает то, что монастырские власти понимали, какой облик монастыря соответствует ожиданиям богомольцев.

Таким образом, в музейных экспозициях при желании всесторонне показать роль монастыря надо учитывать разные формы его служения миру: и деятельную благотворительность, и сакрально-эстетическое его влияние на верующих, и старческое служение его насельников, к которым люди обращались за благословением, советом в делах и утешением в скорбях.

Сейчас в России возрождаются монастыри. И вновь становится актуальным тот же вопрос о служении их миру. Некоторые обитатели уже создали сиротские приюты, православные школы. Но о значительной помощи беднейшим слоям населения и об уходе за больными пока почти не слышно. А ведь как раз с уходом за больными и престарелыми в нашей стране дело обстоит настолько плохо, что в последнее время предполагается использовать для этой цели призывников, выбирающих альтернативную службу, и даже осужденных за мелкие преступления. Конечно, большинство монастырей, разоренных за годы советской власти, не имеют и средств для благотворительной деятельности.

В последнее время обсуждается вопрос о передаче монастырям больших земельных угодий. Обосновывается это тем, что до революции многие монастыри успешно занимались хозяйственной деятельностью. По-видимому, здесь многое зависело от настоятеля и состава братии. Так, митрополит Евлогий (Георгиевский) сетовал на нерациональность этих хозяйств²⁶. А К.П. Трубецкая, бывавшая в Гефсиманском скиту в 1920-е гг., вспоминала: «В скиту было прекрасно налаженное хозяйство. Все светилось чистотой и порядком. Никогда больше я не видела такого ухоженного скота и полей. Особенно помню, как лоснились бока и спины лошадей, с которыми так ласково обращались»²⁷.

Конечно, расширение монастырских хозяйств может привести в дальнейшем к увеличению благотворительной деятельности, но только в том

случае, если монастыри будут нацелены именно на такую деятельность. Сейчас же большая часть средств естественно тратится на ремонт храмов, их внутреннее убранство, благоустройство территории и т.п.

Вопрос о служении монастырей миру, как видим, очень непросто. По-разному его решали в прежние времена. Разными были и формы этого служения. Пока трудно сказать, какие из них окажутся наиболее распространенными в XXI в. И, конечно, это дело, прежде всего самой Церкви. Но ясно одно: несмотря на то, что у современного человека есть немало способов выйти из привычного круга дел и получить новые впечатления, посещение монастырей для многих верующих продолжает быть привлекательным и просто необходимым. Очистить душу, насытить ее радостью – за этим верующие отправляются на богомолье. И в этом вечное служение монастырей миру.

¹ *Круглов А.В.* На службе миру – на службе Богу // Душеполезное чтение, 1902, октябрь. С.186–193. *Круглов А.В.* (1852–1915) – писатель и журналист, получивший большую популярность как автор произведений для детей. В конце XIX в. поселился в Сергиевом Посаде, выступал с публицистическими статьями в религиозных журналах, (См.: *Рейтблат А.И.* А.В. Круглов // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т.3. С.168–169.

² *Никон, архимандрит.* Православный идеал монашества // Душеполезное чтение. 1902, октябрь. С. 194–209. *Он же.* Еще раз об идеале монашества. Там же. 1903, январь. С. 107–120. *Он же.* Дело иноческое – дело Божие. Там же, февраль. С. 330–355. *Он же.* Там же. 1903, март. Неожиданный союзник (по поводу фельетона Розанова). Там же, март. С. 543–545.

³ Обзор полемики по монашескому вопросу см.: *Голубцов Сергей* // Московская духовная академия в эпоху революций. М., 1999. С. 181–190. К сожалению, автор лишь упомянул среди участников дискуссии С.И. Смирнова, не пояснив его взглядов.

⁴ *Кантерев Н.Ф.* В чем состоит истинное монашество по воззрениям преподобного Максима Грека // Богословский вестник, 1903, № 1. С.114–171; *Смирнов С.И.* Как служили миру подвижники Древней Руси. Историческая справка к вопросу о монашестве // Богословский вестник, 1903, № 3. С. 516–580; № 4. С. 716–788.

⁵ Розанов В.В. опубликовал в газете «Новое время» (1903. №№ 21 и 22) фельетон в поддержку взглядов архимандрита Никона, но когда сам оказался после революции в Сергиевом Посаде в тяжелом положении, очень обижался, что деятели Церкви не оказали ему помощи.

⁶ В XX в. в России появился, видимо, только один монастырь, где деятельное служение миру было на первом месте – Марфо-Мариинская обитель великой княгини Елизаветы Федоровны.

⁷ Соколов Л. Епископ Игнатий Бренчанинов. Киев, 1915. Т. 3. С. 54.

⁸ Голубцов Сергей // Троице-Сергиева лавра за последние сто лет. М., 1998. С. 27–42.

⁹ Голубцов Сергей // Московская духовная академия в эпоху революций. М., 1999. С. 184–190.

¹⁰ Священник Павел Флоренский. Храмовое действо как синтез искусств // *Он же*. Соч. в 4 т. М., 1996. Т. 2. С. 370–382.

¹¹ Шмелев И. Богомолье // *Он же*. Богомолье. Лето Господне. М., 1996. С. 5–130.

¹² Голубцова М.А. Тогда еще не загасили лампы... // К свету. Б. м., б. г. № 14. С. 62.

¹³ Такой запечатлена Троице-Сергиева лавра на картинах К.Ф. Юона в 1910-е гг.

¹⁴ Верзилин Н. Сады и парки мира // *Он же*. По следам Робинзона. Сады и парки мира. Л., 1984. С. 421–422.

¹⁵ Может показаться, что излишнее внимание уделяется цветникам и т. п. Но в 1930-е гг., когда и замечательные памятники архитектуры Лавры были целы, и во многих из них были открыты музейные экспозиции, все комиссии, обследовавшие музей, отмечали, прежде всего, удручающее антисанитарное состояние территории Лавры. И уж, конечно, праздничного настроения от посещения Лавры не возникало.

¹⁶ Священник Павел Флоренский. Предисловие к книге Н.Я. Симонович-Ефимовой «Записки петрушечника» (1925) // *Он же*. Соч. в 4 т. М., 1996. Т.2. С. 533.

¹⁷ Балдин В. Загорск. М., 1984. С. 62.

¹⁸ Шмелев И. Богомолье... С. 119.

¹⁹ Чернявская Е.Н. Мемориальная функция памятников культуры // Культура памяти. М., 2003. С.43.

²⁰ Киперман Сергей, священник. Идеалы и реалии российского монашества в прошлом и настоящем. М., 1993. Т.2. С. 319; Федотов Георгий. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 186–188.

²¹ Горский А.В. Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 1910. С.110.

²² Снегирев И.М. Гефсиманский скит близ Троице-Сергиевой лавры. М., 1863. С. 3.

²³ Голубинский Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. М., 1909. С. 335.

²⁴ *Георгий (Тертышников), архимандрит.* Преподобный Варнава, старец Гефсиманского скита. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1996.

²⁵ Гефсиманский скит и пещеры при нем. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1899. С. 91–92

²⁶ *Евлогий, митрополит.* Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Париж, 1947. С. 193.

²⁷ *Трубецкая К.П.* Воспоминания о Петре Владимировиче Истомине // Хоругвь. М., 1993. Вып. 1. С. 68.

Доклад опубликован: Труды Государственного исторического музея. Проблемы изучения истории Русской Православной Церкви и современная деятельность музеев. М., 2005. Вып. 152. С. 92–99.